

Границы и ограничения семейных тайн

Слово «тайна» существует со всех языках мира, а в славянских – почти во всех – имеет один корень. Интересно, что смысловое значение этого слова варьирует от «неразгаданный, скрытый, неясный» до греческого τῆβσιος – «обманный, тщетный, напрасный». Родственным также является древнеиндийское «вор». Встречается и такое значение, как «отрицание», «лишение» [3]. Таким образом, исследование любой тайны – это сложный процесс, связанный и с разгадыванием, поиском, практически детективной работой, и одновременно с проникновением в зону запретного, тщательно скрываемого, глубоко запрятанного, не предназначенного для чужих глаз.

Погружаясь в семейную историю, мы зачастую сталкиваемся с табуированными областями, о которых члены семьи по той или иной причине не хотят или не могут говорить. Сложность заключается в том, что вокруг такой тайны конструируется много энергии, направленной на ее подавление, отрицание и/или сокрытие для защиты семьи от болезненной и разрушительной реальности. С такой «областью тьмы» мы можем столкнуться и в индивидуальной, и в супружеской, и в детско-родительской терапии.

Как же понять, что мы имеем дело с семейной тайной? Мы можем ориентироваться на некоторые маркеры, повторяющиеся в разных контекстах, при разном содержании семейных тайн. Любопытно, что, например, английское выражение «a skeleton in the cupboard» (дословно – скелет в шкафу) переводится как «семейная тайна; неприятность, скрываемая от посторонних».

Самая главная характеристика любой семейной тайны – это **ограничения в разных сферах семейной жизни**, обусловленные ее наличием. Тайна всегда **маркирует границы**, за которые отдельным членам семьи «вход запрещен». Несмотря на жесткость этих границ, некоторая информация все же просачивается за их пределы, усиливая разделение членов семьи на «знающих» и «непосвященных», что ведет к формированию дисфункциональных коалиций. Таким образом, происходят два взаимосвязанных процесса: с одной стороны, идет размывание внутрисемейных границ за счет «слипания» хранителей тайны, принадлежащих к одному или разным поколениям, с другой – внешние границы семьи становятся более жесткими, так как нужно во что бы то не стало сохранить информацию внутри системы.

Перечислим другие характеристики семейных тайн.

1. Системность. Погружаясь в жизнь семьи, психолог сталкивается с тем, что тень семейной тайны может быть спроецирована на любой из параметров и показателей семейной системы. Например, исследуя, кто принял решение хранить тайну и кто его поддержал в этом решении, мы столкнемся с иерархией и системой ролей. Выясняя, кому было выгодно сохранять тайну, мы поймем, кто и к кому проявлял лояльность. Узнав, кто,

как и кому говорил/ не говорил о тайне, мы больше поймем про коалиции и стиль семейной коммуникации.

Тайна никогда не принадлежит одному человеку – она всегда носит системный характер. Ее сокрытие связано с тем, что носитель/носители тайны боятся разрушения сложившихся отношений, правил, благ, утраты социального статуса семьи или ее членов вследствие ее раскрытия. Тайна тем или иным образом касается всех членов системы, всех аспектов сложившихся отношений, и ее рассекречивание может приводить к изменению «Образа-Мы» семьи.

Показательный пример трансформации тщательно скрываемых семейных тайн сдержит первая часть трилогии Стига Ларссона «Девушка с татуировкой дракона» [1]. Главному герою, журналисту Микаэлю Блумквисту, предстоит написать историю семьи Вангеров – владельцев огромного шведского концерна. Однако семейная история – это лишь повод для проведения расследования, к которому привлечена компьютерный гений Лисбет Саландер. Их нанимает восьмидесятидвухлетний Хенрик Вангер, патриарх концерна. 37 лет назад пропала Харриет Вангер, внучка его старшего брата. Хенрик подозревает, что виновен кто-то из членов семьи – девушка исчезла с закрытого острова, и поиски тела в течение всех лет не дали результатов.

В ходе расследования открываются нелицеприятные факты семейной истории. Отец Хенрика был холодным, критикующим, бесчувственным человеком. У него было пятеро сыновей, которые до своего совершеннолетия почти не встречались с отцом, «кроме как на особых семейных сборищах, где им надлежало присутствовать, но держаться тише воды ниже травы. Хенрик Вангер не мог припомнить ни одного случая малейшего проявления любви со стороны отца; зато тот никогда не упускал случая указать сыну на его просчеты, которые критиковал беспощадно» [1].

Как часто бывает в тех семьях, где дети не получают необходимого от родного отца, они начинают искать другую родительскую фигуру. Такой фигурой для троих старших сыновей – Рикарда, Харальда и Грегора – стал Гитлер. Рикард был бунтарем и примкнул к нацистскому движению. Он погиб в 1940-м году на Карельском фронте. Его сын Готфрид потерял отца в 13-летнем возрасте. Он рано женился из-за беременности своей подружки Изабеллы и стал отцом двоих детей – Мартина и Харриет, открыть тайну исчезновения которой много лет пытается Хенрик Вангер. Хенрик – трезвомыслящий человек. Говоря о фашистском прошлом своих братьев, он роняет фразу: «Следовательно, трое из моих братьев были в политическом отношении психически больными. Насколько больными они были в других отношениях?» [1].

Проводимое расследование открывает все больше и больше нелицеприятных фактов из жизни семьи. Но параллельно внимание журналиста и его помощницы привлекают загадочные исчезновения девушек, убиваемых с некой религиозной подоплекой. Открытие, сделанное главными героями, носит ужасный характер. Оказалось, что Готфрид Вангер,

отец пропавшей Харриет, на протяжении ряда лет, находясь в служебных командировках, убивал девушек. Когда его сын Мартин подрастает, он насилует его и привлекает к «семейному делу». Через некоторое время подрастает и Харриет, которая также становится жертвой сексуальных извращений отца и брата.

Хенрик замечает, что с Харриет что-то происходит. Он решает, что причиной всему ссоры и разборки между Готфридом и Изабеллой, и забирает Харриет к себе, чтобы она могла спокойно сосредоточиться на учебе. Это на некоторое время расстраивает планы Готфрида и Мартина, которые не могут с такой легкостью насиловать девушку и контролировать ее жизнь. Но периодически ей нужно показываться дома. И однажды отец в пьяном состоянии пытается изнасиловать и задушить дочь. Защищая свою жизнь, она убивает отца. Однако при этом присутствует ее брат Мартин, который, пока труп отца плавает в озере, хватает сестру и в очередной раз насилует ее. Харриет оказывается заложницей страшной тайны. Она – и жертва насилия, и убийца отца. Ее отец – насильник и садист, а брат теперь имеет «крючок», на котором будет ее держать всю жизнь. Через некоторое время Харриет уезжает, надеясь вырваться из паутины семейного насилия. Но, встретив через год Мартина, снова испытывает сильнейший ужас. Она понимает, что Мартин никогда не оставит ее в покое, и решается бежать. Ей помогает Анита Вангер, которой Харриет приходится двоюродной племянницей. Анита вывозит ее в машине, дает свой паспорт, и Харриет уезжает за границу, где через несколько лет выходит замуж...

Кажется, все в прошлом... Но Мартин продолжает «дело отца» - он регулярно находит женщин, похищает их, запирает в своем подвале, где подвергает пыткам и насилию, а потом убивает... Одна или две женщины в год погибают от его рук на протяжении многих лет, а никто даже не подозревает о наличии серийного убийцы. Его жертвами становились незаметные женщины, часто относительно недавно приехавшие иммигрантки, у которых не было друзей и знакомых в Швеции. Главный герой также чуть не погиб от руки Мартина...

Микаэль Блумквист раздумывает о том, что «Готфрид хотел убивать женщин и оправдывал свои действия некими псевдорелигиозными рассуждениями. Каждый раз, когда Готфрид оставлял после себя труп, это приводило к полицейскому расследованию и возникал риск, что кто-нибудь нападет на его след или хотя бы свяжет совершенные им убийства между собой. Но его сын Мартин даже не искал себе оправдания. Он действовал организованно и убивал систематично. К тому же он мог не жалеть на свое хобби денег и был сообразительнее отца» [1].

Возникает закономерный вопрос: почему Харриет хранила семейную тайну? Вот что она сама говорит об этом главному герою:

«- Мне было шестнадцать лет. Я боялась, стыдилась, приходила в отчаяние. Я была одна. Правду знали только Анита и Мартин. Я рассказала Аните о сексуальном насилии, но была не в силах рассказать о том, что мой отец был еще и чокнутым убийцей женщин. Этого Анита так и не узнала.

Зато я рассказала ей о своем собственном преступлении, которое было столь ужасным, что, когда дошло до дела, я не смогла признаться Хенрику. Я молилась, чтобы Господь простил меня, и на несколько лет скрылась в монастырь.

– Харриет, ваш отец был насильником и убийцей. Вашей вины в этом не было.

– Я знаю. Отец принуждал меня к сексу в течение года. Я делала все, чтобы уклониться от... но он был моим отцом, и я не могла вдруг отказаться общаться с ним, ничего не объясняя. Поэтому я улыбалась, играла комедию, пыталась делать вид, что все нормально, и старалась, чтобы кто-нибудь всегда был поблизости, когда я с ним встречалась. Мать, конечно, знала, чем он занимается, но ее это не волновало.

– Изабелла знала? – ошеломленно воскликнул Микаэль.

Голос Харриет стал еще жестче:

– Разумеется, знала. Изабелла знала обо всем, что происходило в нашей семье. Но она никогда не обращала внимания на то, что казалось неприятным или представляло ее в невыгодном свете. Отец мог насиловать меня в гостиной, прямо у нее под носом, а она ничего не замечала. Она была не в силах признать, что в моей или ее жизни что-то не так» [1].

Интересно, что главный герой, Микаэль Блумквист, пытается понять подоплеку поступков Мартина: «Тут речь идет о дисфункциональной семье. У Мартина не было ни единого шанса стать нормальным человеком» [1]. Однако Лисбет Саландер не согласна. Приведем еще одну цитату.

«Ее голос вдруг сделался твердым, как кремь. Микаэль смотрел на нее с изумлением. Ее взгляд был холодным, без капли сочувствия.

– У Мартина, как и у любого другого, был шанс дать сдачи. Он сделал свой выбор. Он убивал и насиловал, потому что ему это нравилось.

– Ладно, не буду возражать. Но Мартин был податливым мальчиком и подпал под влияние отца, так же как личность Готфрида в свое время сформировал его отец, нацист.

– Ага, значит, ты исходишь из того, что у Мартина не было собственной воли и что люди становятся такими, какими их воспитывают.

– Я не утверждаю, что на людей влияет только воспитание, но думаю, что воспитание играет большую роль. Отец Готфрида избивал его на протяжении многих лет. Такое не может пройти бесследно.

– Чушь, – повторила Лисбет. – Готфрид не единственный ребенок, которого жестоко избивали. Это не дает ему права убивать женщин. Этот выбор он сделал сам. И то же относится к Мартину» [1].

То же самое Лисбет думает о Харриет Вангер. «Чертова Харриет Вангер. Если бы она что-нибудь предприняла в шестьдесят шестом году, Мартин Вангер не смог бы продолжать убивать и насиловать еще тридцать семь лет», – говорит она Микаэлю Блумквисту.

И это правда – семейные тайны зачастую разрушают жизнь нескольких поколений и многих людей. Тщательно оберегаемые или игнорируемые, они становятся благодатной почвой для развития семейных дисфункций,

психических и соматических болезней, сломанных и покалеченных судеб. Поэтому в семье нет невиновных – в случае сокрытия страшной тайны каждый вносит свой маленький кусочек мозаики и несет свою долю ответственности за продолжающееся зло, несправедливость, глупость, ведущих к трагедиям.

Из этого примера видно, что накопление дисфункциональных паттернов в семейной системе шло по нарастающей. Фредерик – холодный, отстраненный отец, не наказывавший детей физически. Его сын Рикард – с явными признаками психопатологии: он примыкает к фашистскому движению (компенсация привитого отцом комплекса неполноценности путем присоединения к идее сверхчеловека и мирового господства) и жестоко избивает своего сына Готфрида. Агрессивность отца перерастает в психопатию у сына: Готфрид, одержимый религиозными идеями, начинает убивать женщин. А его собственный сын Мартин вырастает в холодного серийного убийцу-садиста. При этом жена Готфрида и мать Мартина, Изабелла, отстраняется и не хочет ничего знать. При таком молчаливом попустительстве со-инцесторов и соучастников преступлений семейная патология расцветает. Сбежавшая за тысячи километров Харриет – и жертва, и полноправный соучастник преступлений отца и брата, потому что в семье все связаны, и все несут ответственность – как за поступки, так и за их замалчивание.

Тайну, раскрытую в ходе расследования, в итоге узнают лишь несколько членов семьи Вангер, потому что информация о том, что исполнительный директор концерна и член известного клана на протяжении многих лет убивал и насиловал женщин в подвале своего дома, погубит семейный бизнес, лишит работы многих людей и разрушит репутацию родственников. Однако уже то, что тайна легализована и раскрыта, приводит к снижению напряжения в системе, возвращению бежавшей из родного гнезда Харриет и трансформации семьи, заключающейся, прежде всего, в переструктурировании семейного бизнеса, восстановлении отношений, назывании многих табуированных вещей своими именами и др.

Заметим, что система «втянула» в свои игры посторонних, которые теперь становятся хранителями семейной тайны и делают для семьи то, что раньше делали ее члены: не рассказывают правды о психопатах и убийцах. Став частью системы, Миакэль Блумквист понимает, что раскрытие всей истории нанесет вред многим членам семьи, и выбирает молчать. Именно так обычно ведут себя члены системы: «взвешивая» пользу и вред от легализации тайны, они идут по пути, как им кажется, минимизации вреда. И именно так они втягивают в свои игры психотерапевта.

2. Парадоксальность. С одной стороны, сохранение тайны носит защитный характер: обычно скрывается информация, которая может дестабилизировать или нарушить жизнь семейной системы. С другой стороны, само наличие тайны разрушает семью. Тайна – это то, что не положено знать и одновременно очень важно узнать.

Таким образом, тайна одновременно и защищает, и разрушает семью. Тайна – это то, что нужно хранить и одновременно то, что необходимо раскрыть. Как пишет А.А. Шутценбергер, «тайна – это всегда проблема. ... Фрейд напоминал нам, что тот, у кого есть глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, констатирует, что смертные не могут хранить никаких тайн. «Тот, чьи губы хранят молчание, выбалтывает кончиками пальцев. Он выдает себя всеми порами». Это приводит нас к пониманию и правильной оценке важности невербальной коммуникации и выражения чувств как языком тела, так и красноречивым молчанием» [5, с.75].

Парадоксальность заключается также и в том, что как при хранении, так и при раскрытии тайны чаще всего страдают минимально вовлеченные люди. «Наказание невиновных и награждение непричастных» – иногда раскрытие семейной тайны описывается именно этой формулой. Подобно женам Синей Бороды, члены семьи, пытающиеся раскрыть тайну, хотят разоблачить монстра, но иногда получают желаемое по слишком высокой цене и расплачиваются за проявленное любопытство ценой своей жизни в экзистенциальном смысле этого слова. Однако нераскрытая тайна ведет к тому, что в доме Синей Бороды появляются все новые и новые «жены».

3. Поддержка гомеостаза. Система нуждается в стабильности, порядке, предсказуемости, а раскрытие тайны может приводить систему к гетеростазу, проявляющемуся через нормативный или ненормативный семейный кризис [2, 4]. Поэтому тайна выполняет функцию поддержки гомеостаза в системе, вследствие чего она охраняется и оберегается даже тогда, когда уже утрачен первоначальный смысл ее сохранения. Тайна – это способ выразить лояльность, преданность своей системе, и хранители тайны стоят на страже привычного порядка.

4. Конфликт между формой и содержанием. Форма и содержание – это философские категории, имеющие непосредственное отношение к тайне. Если в эстетике много внимания уделяется соответствию, гармонии формы и содержания, то в отношении семейной тайны картина прямо противоположна: обычно красивая форма призвана скрыть «неэстетичное содержание». Используемые мною метафоры жемчужины и песчинки, гроба и покойника при описании семейной тайны – это примеры конфликта формы и содержания, порождающего постоянное напряжение в попытке замаскировать неприглядное содержимое красивым фасадом. Чаще всего форма – это мертвая внешняя оболочка, через которую пытается прорваться наружу опасная, неприятная, стыдная, разрушительная сущность семейной тайны.

5. Непредсказуемость. Никто не знает, к чему на самом деле приведет как сохранение, так и раскрытие тайны. Само возникновение семейной тайны маркирует точку бифуркации, в которой система либо переструктурируется и перейдет в более упорядоченное состояние (мы связаны навек этим страшным секретом), либо подвергнется разрушению и распаду. Тщательная охрана тайны связана именно с этим страхом: никто не знает, как на самом деле будет лучше для семьи и что случится, если информация станет

доступной. Нужно ли бездетному из-за болезни мужу знать, что он воспитывал не своего ребенка? Нужно ли рассказывать счастливо живущей в браке женщине, что у мужа до встречи с ней была другая семья? Нужно ли ставить внуков в известность, что их дедушка в годы войны сотрудничал с оккупантами? На самом деле мы никогда не сможем предсказать, что лучше, а что хуже для системы. Но если мы понимаем, что из года в год, от поколения к поколению в семье происходят деструктивные процессы, накапливаются дисфункциональные паттерны, мы можем рискнуть и выбрать правду.

6. Интроективный характер. Интроекция – помещение вовнутрь того, что было внешним. Работа с интроектами предполагает их «извлечение», осознание и принятие решения: нужен ли такой интроект или лучше от него избавиться. Семейные тайны чаще всего маркируют интроекты: «Мы не должны никому ничего говорить», «Не выноси сор из избы», «Молчание – золото» и т.п. Родители, прародители, другие хранители тайны вербально и невербально сообщают: не смей про это даже думать, не то что кому-то рассказывать. Главное послание, которое члены семьи получают вместе с этими интроектами: «Тайна опасна. Мы должны хранить тайну любой ценой. Рассказав тайну, ты утрачиваешь право на членство в семье». Именно слова «Я не должен не хочу / не могу об этом говорить» часто маркирует наличие семейной тайны.

7. Цикличность (циркулярность). Есть еще один важный тезис, который характеризует семейную тайну. Процесс жизни семьи (как, впрочем, и психотерапевтический процесс) подчиняется не линейной, а *циркулярной* логике. Иногда упрощенное видение ситуации (она была гулящая, поэтому забеременела и родила ребенка, и ее выгнали из дома) мешает заметить важные взаимосвязи и взаимовлияния в семье. Когда проблема исследуется системно, оказывается, что все были вовлечены в проблему, и каждый вносил свой вклад. Но самое удивительное – когда нам удастся восстановить цикл, в который вовлечены разные члены семьи, мы можем обнаружить повторения этого цикла в других семейных отношениях. Семейная тайна, появившись в одном поколении, имеет тенденцию повторяться за счет стереотипизации определенных способов поведения, действия индивидуальных и групповых защитных механизмов, сильной эмоциональной «заряженности» события, трансгенерационной передачи и др.

Когда семья или кто-то из ее членов хранит какую-то тайну, в ней через некоторое время происходит **раз-граничение, раз-деление** на «правых» и «виноватых», на обвинителей и жертв, на «нормальных» и «ненормальных».

Сформировавшись один раз, эти **способы построения границ** воспроизводятся снова и снова в следующих поколениях. Семья, задающая терапевту вопросы: «А про это обязательно рассказывать?», «А для чего Вам это знать?», «А разве это как-то связано с нашей проблемой?» не готова выдавать терапевту «визу» и пускать его «за границу» семейной тайны. Поэтому довольно сложным бывает установление контакта с семьей,

хранящей тайну и не желающей о ней никому рассказывать, но при этом страдающей и разрушающейся.

Аксиома терапевтического процесса при работе с семейной тайной – это **отказ от поиска «правых» и «виноватых»**. В нашей стране каждой семье есть что скрывать. Физический дефект, инвалидность, бесплодие, смерть от криминального аборта, гомосексуальная ориентация, убийство, самоубийство, алкоголизм, наркомания, проблемы с законом, приемные и незаконнорожденные дети и многое другое – все то, что может «запятнать» светлый образ семьи. Но что происходит с теми, кто стал прямым или косвенным виновником неблагоприятного поступка, минутной слабости, глупой случайности, сложившихся обстоятельств? Как они живут – и выживают – в поле неприятия, молчаливого укора, обвинений и скандалов, отвержения и презрения?

В системе, хранящей тайну, все и виноваты, и не виноваты одновременно. Важно помнить, что семейный психолог – не судья. Его задача – разобраться в хитросплетениях и связях, чувствах и переживаниях, фактах и событиях и понять жизнь семьи, попавшей в определенные обстоятельства. Именно поэтому он одновременно и вовлечен в семейную проблему, и сохраняет нейтральность, что позволяет ему не делить членов семьи на «любимчиков» и «изгоев», а обеспечить всем равное понимание и поддержку. При работе с семейными тайнами это особенно трудно, потому что в ряде случаев сохранение нейтральности осложняется сильными переживаниями самого терапевта, включающегося в семейную историю в роли «Спасателя», «Великой матери», «Третьего судьи» и др. Но все, что нужно психологу – это быть чувствительным и внимательным, осторожным и мудрым, чтобы попасть «за границы» семейной тайны и запустить такой важный для семьи процесс исцеления, связанный с ее раскрытием и принятием.

Список использованных источников

1. Ларссон, С. Девушка с татуировкой дракона. — Режим доступа: <http://www.litmir.net/br/?b=118722&p=1>. – Дата доступа: 16.08.2014.
2. Олифинович, Н.И. Терапия семейных систем/ Н.И. Олифинович, Т.Ф. Велента, Т.А. Зинкевич-Куземкина. – СПб.: Речь, 2012. – 570 с.
3. Тайна. Викисловарь. – Режим доступа: <http://ru.wiktionary.org/wiki/%D1%82%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D0%B0>. – Дата доступа: 15.08.2014.
4. Теория семейных систем Мюррея Боуэна: Основные понятия, методы и клиническая практика. М.: Когито-Центр, 2005.
5. Шутценбергер, А.А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы / А.А. Шутценбергер. – М.: Ин-т психотерапии, 2001. – 240 с.